

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102

УДК 141.78+008

НАСТУПЛЕНИЕ НАРЦИССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ПОЛИТИКИ

Ореховский Петр Александрович,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором философии и методологии экономической науки
Института экономики РАН,
Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru*

Разумов Владимир Ильич,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теологии, философии и культурологии
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55
SPIN-код (РИНЦ): 6418-9748
AuthorID (РИНЦ): 8985
ORCID: 0000-0002-6904-9764
RazumovVI@omsu.ru*

Аннотация

За период доминирования рационально-ориентированной интеллектуальной культуры сложились способы коммуникации специалистов, с помощью которых описываются любые явления. Постмодерн, фактически революционизируя коммуникацию, дискурсы, кардинально меняет сами продуцирующие их сообщества. Без понимания существа этих изменений становится практически невозможным осознать, чем, как, для чего занимаются в университетах и научных организациях, что происходит в экономике, в политике. Отмеченные трансформации обозначены в статье как феномен наступления нарциссической культуры. С принятием представления о высокой культуре и множестве локальных культур усиливаются процессы переносов культурных паттернов между разными областями приватной и общественной жизни. Это всё более осложняет пребывание человека в культуре, когда, в частности, расширение свободы человека сопровождается усилением контроля над ним. Вообразим карнавал, разворачивающийся в пространстве, устроенном наподобие ризомы (фрактально). В таком образе от деконструкции понятий мы переходим к деконструкции лозунгов,

что, возможно, и послужило источником общественных возмущений нового типа с конца 80-х годов XX века и по настоящее время. В современных вузах, НИИ, в предпринимательстве, политике вместе с либеральными ценностями произошло масштабное распространение нарциссической культуры. Деконструкции подвергается и лозунг «Наука должна служить народу». Нарциссическая культура разворачивается за границами этого лозунга. Ее носители разных поколений и учебно-академических статусов становятся не просто носителями новых паттернов поведения, а совершенно особым образом позиционируют себя в обществе. Индивидуализация побеждает стандарты, включая профессиональные. Переход от массовой культуры к нарциссической меняет социальные роли и трансформирует общество. Даже в элитных вузах профессионализм выдавливается в целях достижения требований удобства и комфорта. Обеспечивание профессионализма вызывает ответную реакцию – самоизоляция (абсентеизм) специалистов. В области предпринимательства замена массовой культуры на нарциссическую потребовала новых художественных образцов, изменения стиля поведения, легитимации гедонизма и эгоцентризма. Возможно, в этом следует искать причины падения мировых темпов экономического роста. Произошел кардинальный культурный сдвиг в электоральной демократии. Важно уже не «завоевывать сердца и души», а пребывать в восхищении от себя и своего близкого окружения. Показывается, что абсентеизм есть имманентная черта нарциссической культуры, приводящая индивида к отчуждению от политической жизни социума. Нарциссическая культура существовала всегда, но постмодернизм послужил уникальной средой для ее распространения. Несмотря на многочисленные критические замечания в адрес нарциссической культуры, она приносит высокое разнообразие во все сферы, куда проникает, а это разнообразие способно выступить стимулом к началу нового витка развития человечества. Нарциссическая культура в XXI веке есть внешний фактор, меняющий ход всех общественных процессов – экономических, политических, социальных. Проект, игнорирующий рассмотренные выше особенности культурного нарциссизма, обречен на неудачу.

Ключевые слова: абсентеизм, массовая культура, медианный избиратель, нарциссическая культура, предпринимательство, синдромы роста и распада по Э. Фромму, сообщества интеллектуалов, электоральные машины.

Библиографическое описание для цитирования:

Ореховский П.А., Разумов В.П. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 84–102. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.

Введение

Навряд ли найдутся серьезные аргументы, опровергающие то, что с конца XX века начался мировой системный кризис, углубляющийся и в настоящее время. Этот кризис затрагивает важнейшие аспекты жизни разных социальных субъектов, поэтому он наделен широким спектром обозначений, в которых, как правило, указываются направления для выхода из дан-

ного кризиса, называемого постмодернизмом, постиндустриальным, пост-современным, постинформационным, постэкономическим... Поэтому, если не ограничиваться одним или несколькими аспектами кризиса, а описать хотя бы контуры его концепции, целесообразно найти сходную по разнообразию и внутренней связности конструкцию. Обращение к теме культуры при этом вполне адекватно, поскольку терминологический аппарат культурологического подхода позволяет не только соединять отдельные категории и направления деятельности, но формировать целостные, динамичные представления о кардинально изменившейся реальности.

Уместно сказать, что современным коммуникативным практикам интеллектуалов весьма свойственно употреблять указания на разные аспекты в предметах, целях и задачах, результатах. В таком перечне «культурологический подход» встречается часто, а особенно эксплуатируются два его смысла – гуманитарный и эстетизирующий. И в целом это правильно, поскольку культура – наиболее специфичная для человека среда, а реагируя на эту среду, человек производит специфические действия. К началу XXI века культурная среда существенно изменилась, но, несмотря на обилие работ по теме культуры, ее собственные трансформации значительно опережают их рефлексивные осмысления. В статье обращаемся к особому культурному явлению – *нарциссической* культуре.

Культура и массовая культура

Категория «культура» имеет множество определений и толкований, применяется во множестве дискурсов. Если обратиться к этимологии этого слова, то оно приводит нас к противоположности между «культурой» и «природой». Собственно, термины «окультуривание», «культивирование» как раз и возвращают нас к работе человека с природой: почвой, животными, растениями [1] (лат. *cultura* – возделывание.). На примере природы достаточно ярко проступает сложность дискурсов. Тот или иной ландшафт будет описываться исследователем через преломление его культурных ценностей: для одних тайга или море будет источником полезных ресурсов, для других – предметом эстетического восхищения, третьи будут рассматривать эти ландшафты с точки зрения имеющихся загрязнений и пределов саморегуляции биоценозов, и т. д. Обратим внимание на проявление двух противоположных культурных отношений, проявляемых при строительстве парков. В одном случае установка делается на то, чтобы искусственное, привносимое в природу человеком, только особым образом оттеняло уже присутствующую там естественную красоту. В другом случае естественная природа – скорее пространство и материал, над которым работает человек, реализуя в своей деятельности собственное видение создаваемого предмета.

Поэтому даже разговор о природе в наше время ведется *в рамках тех или иных культур*, с которыми ассоциируют себя исследователи. Такие особенности во множестве демонстрируются антропологами. Т. Инглтон называет их «культурами идентификации» и противопоставляет универсальной, «высокой» Культуре, признаваемой большей частью человечества, а заодно указывает, что противоречия между разными идентификациями служат основой политических различений и в конечном счете культурных (а заодно и межгосударственных) войн¹.

XX век представил образцы массовой культуры. Последнюю следует понимать и как «воспитание масс» со стороны лидеров, формировавших такую тотальную культуру, и как массовое творчество, и как культурные запросы «среднего человека». В недавнем прошлом большее внимание обращали внимание именно на последнее. Широко известно пессимистическое нитьё Х. Ортеги-и-Гассета²: «Разве не величайший прогресс то, что массы обзавелись “идеями”, то есть культурой? Никким образом. Потому что “идеи” массового человека таковыми не являются и культурой он не обзавелся... Бессмысленно говорить об идеях и взглядах, не признавая системы, в которой они выверяются, свода правил, к которым можно апеллировать в споре. Эти правила – основа культуры. Не важно, какие именно... Культуры нет, если к любым, даже крайним взглядам нет уважения, на которое можно рассчитывать в полемике. Культуры нет, если экономические связи не руководствуются торговым правом, способным их защитить. Культуры нет, если эстетические споры не ставят целью оправдать искусство. Если всего этого нет, то нет и культуры, а есть, в самом прямом и точном смысле слова, варварство. Именно его – не будем обманываться – и утверждает в Европе растущее вторжение масс» [5, с. 71, 72] (см. также [2]).

Бедный «массовый человек» XX века! Редкий выдающийся гуманист того времени не пощипал его за «варварство», неуважение к авторитетам, стремление к увеличению потребления материальных благ и аморальность. Между тем, если посмотреть на культивируемый объект – будь-то со стороны западных культуртрегеров, будь-то со стороны отечественных

¹ «Опасно утверждать, что в наши дни идея культуры переживает кризис, потому что когда она не была в кризисе? Культура и кризис неразлучны, как Лорел и Харди. Но даже в этом случае данное понятие оказалось затронуто важным изменением, которое Хартман формулирует как конфликт между культурой вообще и отдельной культурой, или, если хотите, между Культурой и культурой» [1, с. 61, 62].

² Ср. у Инглтона: «Короче говоря, спорили в основном о “высокой” и “массовой” культуре, и элегические тона этого Kulturpessimismus..., до сих пор слышны в меланхолическом творчестве Джорджа Стайнера, нашли отклик у целого ряда мыслителей, от Освальда Шпенглера до Ортеги-и-Гассета, от Ф.Р. Ливиса до Макса Хоркхаймера, от Лайонела Триллинга до Ричарда Хогарта. Однако в большинстве этих споров не уделялось внимание тому факту, что расцвет искусства, которое было одновременно сложным и подрывным в политическом отношении, на самом деле был недолог, и ния ему – авангард» [1, с. 180].

прогрессоров, – всё обстоит ровно наоборот. Здесь ярко себя проявляет принцип «изначальной целесообразности», сформулированный Лейбницем. «Массовая культура», «массовый человек» образуют среду для формирования Homo Consumor (в пер. с лат. – «человек-потребитель»), а с его помощью со второй половины XX века экономика трансформируется на всеобщее потребление. Однако для реализации перечисленных понятий на практике в жизнь должны войти понятия и соответствующие им технологии «сериации», «масштабирования». И всё равно этого недостаточно, чтобы сформировать общество с новыми типами производства и потребления. Требуется еще особая дисциплина.

Практики, которые описывает М. Фуко применительно к XIX веку, в XX веке развернулись во всю мощь. Фуко показывает только *начало* восприятия обществом «дисциплины тела», необходимости нахождения по несколько часов за партой под надзором учителей в специально оборудованных для этого аудиториях, контроля рабочих движений в мануфактурах и заводах, картину солдатской муштры [10]. В XX веке это дополняется рационализацией и оптимизацией в стиле Ф. Тейлора и Г. Форда, организацией приема пищи, контролем режима рабочего дня и отдыха, что преломлялось в СССР в научную организацию труда и движение «передовиков». Одновременно реализуются и технологии контроля мышления: массовые политические партии требуют от своих сторонников определенного образа мыслей – как социалистических (применительно к социализму см. [12]), так и либеральных (во времена маккартизма практики устрашения и массового покаяния перекочевывают из СССР 1930-х в США 1940-х – 1950-х. Свобода требует своего порядка).

«Культуры нет, если... к взглядам нет уважения». Это о XX веке? О массах, которые уважали взгляды своих лидеров до такой степени, что создавали культы личности, учили наизусть предложенные им вождями цитатники и были готовы воевать с каждым, кто оскорблял их кумира? Здесь явно что-то не так. Массовая культура, на наш взгляд, является гораздо более иерархичной и жесткой, чем предшествовавшая ей сословная культура. Поэтому для понимания ее устройства хорошо подходит соединение постмодернистского понятия ризомы (Ж. Делез, Ф. Гваттари) с понятием карнавала в трактовке М.М. Бахтина. Нечто подобное было распространено в России в 90-е годы прошлого века. Но поскольку она *стандартизована*, постольку она и *тоталитарна*. Обычные лозунги того времени – *наука (искусство) должна служить народу* – воспринимались тогда как банальность. Но это является банальностью только в рамках массовой культуры. Поскольку в наше время, как мы намереваемся показать, доминирует уже другая культура, постольку деконструкция прежних лозунгов оказывается полезной для фиксации важных различий.

Нарциссическая культура

Наука *должна служить?* Но нынешние ученые – свободные люди, они никому ничего не должны. Напротив, они полагают, что государство должно им предоставить «условия для творчества». Нет условий – можно поискать в другой стране, в другом государстве или заняться чем-то ещё. Наука – это не служба, а предмет договорных отношений, имеющий свою цену. Одним из необходимых условий нынешних научных занятий является высокая оплата творческого труда. Ученый не может быть бедным: если ему мало платят – это плохой учёный, не сумевший настоять на своих принципах.

Наука должна служить *народу?* А народ – это *кто?* Если «народ» – это государство, олицетворяемое чиновниками, то возвращаемся к разговору об условиях. Если же народ – это население некоторой территории в определенных административных границах, то современный ученый предпочитает служить человечеству, внося неоценимый вклад в мировую сокровищницу знаний.

Эта деконструкция показывает различия между массовой и нарциссической культурой. В рамках массовой культуры подобные вопросы со стороны людей, принадлежавших научной корпорации, были невозможны (за редкими исключениями, разумеется). «Службу» отличали от «дела» (бизнеса): для последнего важнейшим критерием успеха был рост дохода, прибыль, а для «службы» – результаты, причем не столько социальные (карьерные), сколько «физические» (реализованные проекты). Сегодня таких четких различий нет, и денежная мотивация для многих служащих, включая сюда и ученых, является не меньшим стимулом, чем для наемных работников физического труда или бизнесменов. Напротив, если раньше народ и государство рассматривались как нечто единое (государство – нация), сейчас эти концепты в большинстве дискурсов различаются.

На первый взгляд нарциссическая культура знаменует собой победу индивидуалистического начала. Сбылась мечта либеральных гуманистов: в постмодерновую эпоху каждый индивид – личность. Прежние тоталитарные практики, строго регламентировавшие поведение масс, во многом распались из-за упадка массового промышленного производства. В них просто исчезла необходимость. С наступлением нарциссической культуры профессиональные корпорации учителей и преподавателей, исследователей и полицейских, врачей и социальных работников ведут «арьергардные бои», отстаивая свое право навязывать людям свои нормы поведения. Однако чем дальше, тем больше эти нормы размываются, несмотря на федеральные государственные образовательные стандарты, пропагандистские телепередачи и постоянное совершенствование административного и уго-

ловного кодексов. В жизнь входят всё новые поколения «снежинок»³, которые утверждают свою индивидуальность и презирают «толпу» (термин «масса» применительно к социальным группам практически вышел из употребления).

Определение «нарциссический» – это отсылка не только к мифу о Нарциссе, но и к известной работе Э. Фромма, где он пишет о «злокачественном нарциссизме», порождающем «синдром распада» [9]. Одновременно Фромм вслед за З. Фрейдом предполагает, что в каждом человеке существует и «здоровый нарциссизм», способствующий «росту». В отличие от мыслителей франкфуртской школы, мы не пытаемся ставить диагноз современному обществу: вполне возможно, что в XXI веке в России доминирует как раз «здоровый» нарциссизм. Для нас достаточно признания, что культура представляет собой внешний по отношению к субъектам фактор, во многом предопределяющий коллективную память, а также коллективное мышление и воображение (ожидания). Переход от массовой культуры к нарциссической меняет социальные роли и трансформирует общество. Указанная небольшая работа представляет собой попытку понимания сравнительно новых феноменов через гипотезу единства культуры (вспоминая об О. Шпенглере, через гипотезу о существовании общей «нарциссической души», хотя, конечно, это будет очень большой натяжкой).

Можно ли, поняв морфологию феноменов, попытаться изменить складывающиеся практики, перевести описание в конструктивный проект? Мы не готовы ответить на этот вопрос. Но без понимания происходящего вряд ли можно рассчитывать на реализацию чего-либо конструктивного.

Нарциссическая культура и высшая школа

Массовое образование предполагает жесткие процедуры социального контроля. Студенты должны научиться уважению к авторитету, дисциплине мышления, культуре дискуссий. Всё это соответствует духу индустриального общества, который мы выше определили как массовую культуру.

Утверждение ценностей индивидуализма и переход к нарциссической культуре порождает конфликт с авторитетами. Как пишет Т. Николс, «ученый старался проявлять терпение, но придерживался твердого убеждения, что подобная программа возможна и необходима. Студент же, понимая, что авторитетный преподаватель крупного университета не собирается менять своего мнения, поспорив несколько минут с второкурсником, в итоге пожал плечами и сдался».

³ К ним относят часть возрастных когорт, появившихся на свет как в России, так и в западных странах после 1990 года. Неизвестно, кто из социологов (журналистов?) назвал их «снежинками», но это очень удачное определение. Каждая снежинка имеет свою, отличающуюся от других форму кристалла, при этом в основе своей будучи проявлением одного и того же вещества.

“Ну, – сказал студент, – Ваше предположение ничем не лучше моего”.

Джастроу резко оборвал молодого человека: “Нет, нет, нет, – ответил он с нажимом. – Мои предположения гораздо, гораздо лучше Ваших”.

...Я догадываюсь, что он попытался преподать своим студентам несколько жизненных уроков. Тех уроков, которым всё больше сопротивляются студенты колледжей и прочие граждане. И заключаются они в том, что поступление в колледж – это только начало, а не конец процесса образования, и что уважать *мнение* другого вовсе не означает, что ты должен высказывать равное уважение *знаниям* этого человека... Неизменным остается лишь тот факт, что предположения опытного астрофизика и второкурсника колледжа совсем не равноценны» [3, с. 134, 135].

Как мы полагаем, этот конфликт неразрешим в рамках прежних институтов образования, сохраняющих «индустриальные» стандарты. Былые отношения символической иерархии подорваны, и авторитет преподавателя не восстановить. Поэтому расслоение высшего образования на «массовое дистанционное» и «элитарное очное», которое уже происходит в западных странах, во многом представляется неизбежным и для России. В этом случае нарциссы останутся нарциссами, а наличие ученых профессоров, требующих уважения, не будет вносить сомнений в сознание многих молодых людей, априори считающих преподавателей не умнее себя.

Альтернатива очевидна. Даже в условиях нарциссической культуры в государстве сохраняются структуры с жесткой иерархией – армия, полиция, спецслужбы⁴. Перенос в университеты соответствующих рутин, предусматривающих отчисление студентов не только за плохие оценки, но и за любые провинности, включая неуважение к преподавателям, позволит сохраниться этому рудименту индустриальной культуры неизменным. Но реализация такой альтернативы представляется крайне маловероятной. Так, нам не известны примеры западных университетов, также страдающих от нарциссизма студентов, где было бы реализовано что-то подобное. Скорее наоборот: скандалы и увольнения профессоров захватывают уже и сегмент элитного образования⁵.

⁴ Стоит отметить, что общественная безопасность в целом и полиция как один из основных институтов охраны правопорядка переживают аналогичные проблемы. Так, в рамках массовой культуры в СССР угрозы личной безопасности граждан, как и их собственности, были сравнительно невелики. В сельской местности население зачастую обходилось вообще без дверных замков. В городах решетки на окнах первых этажей, как и металлические двери, встречались крайне редко. Редкими были и нападения на участковых и патрульных. Уже в 1980-х ситуация резко меняется, что находит отражение и в художественных произведениях. К концу XX века в России невозможно представить себе появление фильма, аналогичного комедии Л. Гайдая «Операция “Ы”». Для нарциссической культуры представляется естественным резкий рост децентрализованного, криминального насилия. Однако эта тема требует отдельного обсуждения.

⁵ «В 2015 году в Йельском университете был случай, когда жена декана факультета имела неосторожность посоветовать представителям нацменьшинств игнорировать костюмы в

Самоизоляция (абсентеизм) экспертов

Вообще говоря, дискредитация научного знания и интеллектуального труда в постиндустриальном обществе должна была бы встретить сильный протест и со стороны ученых, и со стороны широкого круга экспертов. Именно они вроде бы обладают наибольшими объемами человеческого капитала, так что обычная, рациональная логика должна была бы заставить их выступить против обесценения их главного актива. Однако культура идентификации экспертов – это совсем не то что национальная, расовая или даже гендерная идентификация.

Строго говоря, определенный снобизм был свойственен экспертам уже в условиях массовой культуры, в рамках которой они образовывали узкие закрытые сообщества. Однако наряду со снобизмом массовая культура требовала от них и активизма. Эксперты должны были генерировать новые идеи и высказываться (время от времени публично) по важным стратегическим вопросам. Более того, ученые наряду с политическими властями отвечали перед обществом за «производство образцов» высокой Культуры в технике, архитектуре, музыке и других сферах деятельности. Время от времени это приводило к конфликтам. Достаточно напомнить о проектах поворота сибирских и северных рек, новом строительстве в исторически значимых городских зонах или реформе средней школы.

Нарциссическая культура радикально меняет ситуацию. Мнение эксперта теперь ничем не лучше мнения популярного актера, журналиста или телевизионного ведущего. К тому же нарциссическая культура захватывает и самих ученых: для оценки их «масштаба» применяется индекс Хирша и другая наукометрия. Общей стратегией является вялый протест – критиче-

праздник Хэллоуина, если они находят их оскорбительными. Это спровоцировало вспышки недовольства по всему кампусу, когда разгневанные студенты заглушали своим криком профессоров. “Вы, как директор университета, – кричал один из студентов прямо в лицо профессору, – обязаны обеспечить студентам комфортную, домашнюю обстановку... Вы понимаете это?!”

На что профессор спокойно ответил ему: “Нет, я не согласен с этим”, и тогда студент обрушился на него:

“Тогда почему [бранное слово] Вы согласились на эту должность? Кто [бранное слово] Вас нанял? Вы должны отказаться от нее. Если Вы так понимаете свои обязанности, Вам надо подать в отставку! Вы здесь не для того, чтобы создавать интеллектуальное пространство! Не для этого, понимаете? А для того, чтобы каждый из нас чувствовал здесь себя как дома! И этого Вы не делаете!”

Руководство Йеля, вместо того чтобы наказать студентов за нарушение их собственных норм академической риторики, извинилось перед зачинщиками беспорядка. Декан в конечном итоге ушел со своего поста, но остался членом профессорско-преподавательского состава. А его жена не только уволилась, но и вообще отказалась от преподавательской деятельности.

Для всех преподавателей урок был очевиден: кампус элитного университета – это не место для интеллектуальных изысканий. Это роскошный дом, который сдается в аренду на период от четырех до шести лет, по девять месяцев за раз, детям элиты, которые могут кричать на преподавателей, словно они выговаривают неуклюжей прислуге в колониальном особняке» [3, с. 161, 162].

ские статьи и жалобные письма наряду с дистанцированием от наиболее «скандальных» проблем, обсуждаемых в медиа. В результате у экспертов можно легко получить комментарий по поводу событий в США, ЕС, Китае или на Ближнем Востоке, но только не по поводу того, что творится у них под носом.

Так, например, одной из острых проблем Омска являются регулярные загрязнения воздуха, многократно превышающие предельно допустимые концентрации вредных веществ. Еще в 1980-е годы подобные случаи вызывали не только большое возмущение общественности, но и выступления ученых, предлагавших свои методы решения проблемы. Нынешняя ситуация отличается тем, что в Омске природоохранные власти уже несколько лет ищут и никак не могут найти виновника (источник) выбросов. В то же время в городе работает много профессиональных химиков высокой квалификации, которые никак не проявляют себя в этой ситуации. Часть из них, возможно, сталкивается с «конфликтом интересов», но другая часть трудится в государственных структурах – от химического факультета ОмГУ до филиала Института катализа СО РАН. Вероятно, многие из них были бы чрезвычайно удивлены тем, что их позиция характеризуется как «дистанцирование и абсентеизм». Они всего лишь «не лезут туда, куда не просят». При этом химики, как и обычные омичи, дружно возмущаются тем, что «они» с «нами» делают. Адрес этих «чужих», «врагов», остается неизвестным, но «они» либо в альянсе с властями, либо являются частью властей. Какой уж тут протест! В условиях нарциссической культуры эксперты ощущают себя не элитой постиндустриального общества, а загнанным в угол угнетаемым меньшинством.

Нарциссизм и предпринимательство

Прежняя массовая культура формировала образцы социального поведения через контроль группы над личностью, прибегая к процедурам «исключения чужих». Это требовало лояльности к ценностям группы, причем допускались (и даже поощрялись) «жертвы во имя коллектива»: посвящение себя работе, отказ от карьеры, требующей смены коллектива (места жительства), и т. п. Активная социальная жизнь велась отдельно от «личной жизни», между приватным и общественным пространством проходила довольно четкая граница. Тем не менее «практики обличения» проникали и в приватное пространство, порождая личные конфликты, постепенно перерастающие в социальные⁶. Хотя в целом «вредные привычки» счита-

⁶ «Практики обличения... после 1960-х гг. подверглись некоторым значительным изменениям. Во-первых, обличение в официальной сфере стало рутинизировано и ритуализовано до предела. Среди этих рутинизированных форм необходимо выделить периодические индивидуальные отчеты отдельных коммунистов на партийных собраниях..., а также регулярные собрания в средней школе, которые оценивали личные качества каждого отдельного ученика.

лись личным делом каждого, если они не мешали результатам работы коллектива; аналогичным образом расценивались и интимные переживания. Более того, где-то начиная с 1960-х годов любовь, приводящая к социальным конфликтам героев со своим окружением, становится в СССР одной из центральных тем множества художественных произведений. Влюбленным предоставлялось право отказа от конформистского поведения; соответственно пересматривалась и ценность семьи. Если раньше герои должны были жертвовать семьей ради работы на общее благо, то теперь подобное поведение перестает расцениваться как позитивная норма.

Замена массовой культуры на нарциссическую потребовала новых художественных образцов, изменения стиля поведения, легитимации гедонизма и эгоцентризма. Подъем молодежных субкультур в 1960-е – 1970-е годы, смена морального императива «будь таким, каким ты должен быть» на «будь самим собой»⁷ знаменовали появление нового феномена. Но для утверждения новых культурных образцов требовалось изменение процедур социального контроля, включая уже упомянутые процедуры исключения. И если массовая культура порождалась индустриальной организацией общества, трудовым ритмом больших коллективов, то нарциссическая культура непосредственно связана с мелким и средним предпринимательством, «креативным классом». Здесь нет прежней жесткой иерархии, множества бюрократических процедур и т. д. *Предпринимательская субкультура требует гибкости, толерантности, способности к риску, готовности к конкуренции.* Одновременно исчезает прежний «нерв» противостояния большой любви и скучных ханжей – коллег по офису; новый «деловой человек» и без того находится в состоянии войны со всем миром. Острота проблемы «незаконной любви» и ее отражения в художественном творчестве в XXI веке во многом уходит в прошлое, превращаясь из моральной в юридическую, что выражается в росте количества судебных тяжб по разделу имущества.

Необходимо подчеркнуть, что в СССР, как и в постсоветской России, подъем предпринимательства (кооперативы – малые предприятия – приватизация) происходил одновременно с распадом основных государственных институтов, обвальным сокращением промышленного производства.

Последнюю процедуру, так как она была особенно важна в процессе социализации молодежи, вообще институционализировали в 1969 году в форме обязательного ежегодного Ленинского зачета. Во-вторых, несмотря на ритуализацию обличения в официальной жизни, оно просочилось и в неформальные сферы, где использовалось, как ни парадоксально, очень активно» [12, с. 435].

⁷ «...Советское общество становилось всё богаче, и желание покупать, копить и демонстрировать материальные ценности стало наконец реализуемо для масс советских людей ввиду простых перемен в их экономическом статусе. Но использование потребительских товаров в качестве средства самовыражения было новинкой, и то, что к этой стратегии самовыражения теперь прибегали миллионы советских людей, свидетельствовало об эпохальных сдвигах в культуре» [12, с. 453, 454].

В отличие от западных стран, где трансформация институтов, обеспечивающих социальный контроль, таких как политическая система, система образования, налогообложение, полиция, шла сравнительно медленно, в России имела место очередная революция. Отечественное общественное сознание во многом еще не отразило произошедшие эпохальные культурные сдвиги. Поэтому как в отечественных медиа, так и в научной среде можно встретить работы, всерьез призывающие вернуть советское образование с его процедурами распределения выпускников, или рецепты активистской промышленной политики, предусматривающей восстановление массового производства.

Здоровый образ жизни

Малый, да и средний бизнес крайне далек от прежней «дисциплины тела», «научной организации труда», рутинной регламентации производственных и бизнес-процессов, являвшихся частью массовой культуры. Используя марксистский дискурс, можно сказать, что общественный характер труда здесь проявляется исключительно через рыночную координацию. Но, как показал еще К. Полаanyi, рынки конструируются, а не возникают спонтанно. Рынки являются весьма хрупкими социальными конструктами, дающими сбои и требующими дополнительных, поддерживающих их устойчивость институтов [6]. Часть этих институтов, обеспечивающих работу рынков в эпоху нарциссической культуры, возникает еще в рамках культуры массовой. Это так называемые «стандарты потребления среднего класса». В отсутствие прямых процедур иерархического контроля необходимые ценности и нормы внушаются индивидам через рекламу, сфера которой расширяется далеко за пределы функции информирования покупателя об имеющихся изделиях и новинках. Реклама апеллирует как к сознанию, так и к коллективному бессознательному, во многом отражая основной конфликт, заложенный внутри нарциссической культуры. Средний «нарцисс», с одной стороны, должен быть brutальным, экстремальным, сексуальным, вечно молодым, готовым ответить на любой вызов. С другой стороны, он должен заботиться о своем здоровье и избегать любых излишеств. Отсюда требование здорового образа жизни, в том числе как предварительное условие готовности к любой «экстремальности».

Здоровый образ жизни – часть нарциссической культуры, это необходимая любовь к себе. Массы могут ненавидеть или быть равнодушными как к себе, так и к другим, «нарциссы» требуют *только* любви и восхищения, вечно праздника. Демографические сдвиги в западных странах привели к тому, что в некоторых семьях воспитывается один-два ребенка, которые обычно растут в атмосфере исключительности, уникальности. Естественно, что потеря здоровья и самой жизни в такой ситуации вос-

принимается намного более остро, чем в условиях массовой культуры. Поэтому ситуация ограничений, связанных с угрозой терроризма, в целом воспринимается как должное.

Но то же самое происходит и с обработкой личных данных, собираемых заинтересованными субъектами (спецслужбами или консультантами электоральных или маркетинговых компаний). Периодические протесты, возникающие в связи с этим, имеют ту же природу, что и протесты «бодипозитивных» индивидов против людей с «модельной» внешностью. В этом отношении нарциссическая культура амбивалентна по своей природе: сообщение о себе «городу и миру» является частью «роста» по Фромму, но когда это сообщение подвергается осмеянию и кибербуллингу, это уже «синдром распада». Социальные сети по определению уничтожают границу между приватным и социальным, и возникающие здесь механизмы контроля едва ли не более тотальны, чем в массовой культуре.

Здоровый образ жизни, таким образом, это новый универсальный стандарт социальной и политической лояльности, необходимое условие для включения индивидов в социальную коммуникацию. Он предусматривает, с одной стороны, определенную потерю контроля за своим телом – избегание вреда от курения, потребления алкоголя и наркотиков, следование диете и т. д. С другой стороны, периодическое возвращение такого контроля и нарушение навязываемого стандарта – гарантированное невинное удовольствие для любого индивида, живущего в нарциссической культуре. Наряду с «цифровой экономикой» медицина, фитнес, индустрия отдыха, включая туризм, – основные драйверы нового экономического роста.

Структурный сдвиг в электоральной демократии

Демократия – одна из древнейших политических форм государства, но электоральная демократия с всеобщим избирательным правом – сравнительно молодая политическая форма. Ее появление отвечало левым, социал-демократическим настроениям. Предполагалось, что эта форма в силу самого своего устройства будет выражать интересы большинства, которое в капиталистических странах принадлежало людям, зарабатывающим на жизнь наемным трудом. И вплоть до 1970-х годов в западных странах такая схема работала – реализовывалась кейнсианская модель «государства всеобщего благосостояния». Эта модель едва ли не больше отвечала интересам «рабочих и крестьян», чем советский социализм с его «правом на труд», которое диалектически превращалось в уголовное преследование тунеядства.

Победа неолиберальной идеологии в конце 1970-х достаточно хорошо изучена и описана в литературе (см., например, [8]). Но редкие авторы обращают внимание на произошедший вследствие этого структурный

сдвиг: хотя и в России, и в западных странах большинство населения по-прежнему являются лицами наемного труда, мало кто из социологов верит, что нынешние политические партии «выражают интересы» каких-либо конкретных социальных групп, а избиратели голосуют за кандидатов, веря их обещаниям и поддерживая ту или иную политическую программу.

Теория общественного выбора, предложенная Дж. Бьюкененом, Г. Таллоком, М. Олсоном и другими институционалистами, уже давно вошла в политико-экономический мейнстрим. Эта теория исходит из того, что партии создаются «под выборы», с целью захвата власти, а «выражение интересов» социальных групп является частностью – иногда цели лидеров могут совпадать, а иногда – противоречить групповым целям. Для того чтобы победить на выборах, партия должна «захватить медианного избирателя», поэтому все, кто рассчитывает на электоральный успех, сдвигаются к «центру», «молчаливому большинству». Политические программы мало отличаются между собой, да их мало кто и читает. Гораздо важнее личности политиков, их имидж. Они должны нравиться публике, и в этом политическое шоу мало чем отличается, скажем, от музыкального конкурса. Важен и пиар – кто из медиаперсон кого поддерживает, кто рассказывает об этом политике и т. д. Весь современный электоральный цикл, в ходе которого политик расхваливает себя, – апофеоз нарциссической культуры.

Политический абсентеизм и кризис доверия

Нарциссическая культура априори предполагает, что существенная (возможно, основная) часть избирателей *должна* периодически чувствовать себя обманутой вне зависимости от результатов выборов и последующей деятельности политиков. Само по себе это обстоятельство не противоречит результатам традиционных социологических опросов, в которых рейтинги доверия тем или иным политическим фигурам могут подниматься или опускаться. Проблема в другом: политическое различие для каждого отдельного избирателя в своей основе предполагает разделение на «своих и чужих», а не сравнение его предпочтений с неким абстрактным «медианным избирателем». Поэтому особые культуры идентичностей *политиков* и *избирателей* расходятся всё дальше, и даже если политику доверяют, это еще не означает, что его считают *своим*. Абсентеизм – естественная черта нарциссической культуры, приводящая индивида к отчуждению от политической жизни социума.

Как уже говорилось выше, в XXI веке наступает «смерть экспертизы». В политической сфере это означает постоянный кризис доверия, который, в свою очередь, теоретически позволяет создать революционную ситуацию из ничего, на ровном месте. Это, в свою очередь, приводит к фрагментации политики: на какие-то угрозы власть и граждане реагируют из-

быточно нервно, а какие-то важные феномены вообще выпадают из поля зрения. Растущий абсентеизм резко усиливает неустойчивость политической системы.

Заключение: молодость нарциссической культуры

Несмотря на то что феномену нарциссизма, по-видимому, столько же лет, сколько и самому человечеству, сама нынешняя нарциссическая культура очень молода. Она непосредственно связана с постмодерном – «временем после модерна», «после модернизации». Особенностью этого времени является «конец истории», понимаемой как идея прогресса [4]. Об этом пытался говорить и Ф. Фукуяма, предполагая, впрочем, не исчерпание прогресса, а наступление состояния всемирной гармонии, достигшей своей высшей точки во всеобщей победе либеральной демократии [5]. Однако постмодерн предполагает плюрализм реальности, что, в свою очередь, означает и плюрализм политических форм.

Толерантность и всеядность нарциссической культуры, возможно, приведет к новому расцвету. Идеи сегодняшних левых, требующих перехода к базовому безусловному доходу (ББД), это не «всё отнять и поделить», это – попытка уничтожения наемного труда вместе с его трудовой этикой, господством капитала и массовой культурой, обеспечивающей тоталитарные инструменты контроля [7]. Бесклассовое общество творцов и предпринимателей с гарантиями социальной безопасности в форме ББД выглядит неплохо.

Однако возможен и другой вариант, на который указывал Э. Фромм. Плюрализм реальностей может превратиться в эффективный механизм манипулирования «нарциссами», неспособными к конструктивному взаимодействию. В этом случае «политика идентичностей» может быть использована для конструирования образа врага, а страх, поддерживаемый через тотальный контроль друг за другом через социальные сети, будет блокировать любые творческие порывы.

Как мы полагаем, нарциссическая культура является в XXI веке внешним фактором, меняющим ход всех общественных процессов – экономических, политических, социальных. Любой проект, игнорирующий рассмотренные выше культурные особенности, будет обречен на неудачу.

Литература

1. *Иглтон Т.* Идея культуры. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – 192 с.
2. *Лебон Г.* Психология народов и масс. – М.: АСТ, 2017. – 384 с.
3. *Николс Т.* Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. – М.: Эксмо, 2019. – 368 с.

4. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. – М.: ИРИСЭН, 2011. – 557 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2016. – 256 с.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
7. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. – М.: Strelka-Press, 2019. – 336 с.
8. Стедмен-Джонс Д. Рождение неolibеральной политики: от Хайека и Фрийдмена до Рейгана и Тэтчер. – М.: Социум; Челябинск: Мысль, 2017. – 522 с.
9. Фрамм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с.
11. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – 588 с.
12. Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2016. – 508 с.

Статья поступила в редакцию 25.08.2020.

Статья прошла рецензирование 19.09.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102

THE ONSET OF NARCISSISTIC CULTURE: CONSEQUENCES FOR EDUCATION, SCIENCE AND POLITICS

Orekhovsky Petr,*Dr. of Sc.(Economics), Professor**Head of the Philosophy and Methodology of Economic Science Sector**Institute of Economics RAS,**32 Nakhimovskiy Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation*

ORCID: 0000-0003-2816-1298

orekhovskypa@mail.ru

Razumov Vladimir,*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,**Professor of the Department of Theology, Philosophy and Culturology**Dostoevsky Omsk State University,**55a Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-6904-9764

SPIN-code (RSCI): 6418-9748

AuthorID (RSCI): 8985

RazumovVI@omsu.ru

Abstract

Scientists and teachers have been discussing the peculiarities of dissemination of postmodernism in different areas of society, usually ignoring universities and scientific organizations. During the dominance period of the rationally-oriented intellectual culture, the communication methods among specialists have been developed, assisting to describe any phenomena. Postmodernism, factually revolutionizing communication and discourses, radically changes the communities producing them. Without understanding the essence of these changes, it becomes almost impossible to comprehend what, how and why they are engaged in universities and scientific organizations, and what is happening in economy and in politics? The mentioned transformations have been identified in the article as a phenomenon of the onset of narcissistic culture. Accepting the concept of high culture and a multitude of local cultures, it is reasonable to note the increasing processes of the cultural patterns, which transfer between different areas of private and public life, which more and more complicate being of an individual in culture, when, in particular, the expansion of human freedom is accompanied by enhancing the control over him. Imagine a carnival unfolding in a space arranged like a rhizome (fractal). In this way, from the deconstruction of concepts we move on to the deconstruction of slogans, which, presumably, served as a source for a new type of public perturbation from the end of the 80s of the 20th century till the present time. In modern universities, research institutes, entrepreneurship, politics along with liberal values a large-scale dissemination of narcissistic culture took place. The slogan *Science Must Serve the People* is being deconstructed. Thus, nar-

cissistic culture unfolds beyond the boundaries of this slogan. At the same time, the carriers of narcissistic culture belonging to different generations, educational and academic statuses become not only carriers of new patterns of behavior, but pose themselves in a very special way in society. Individualization beats the standards, including professional ones. Recognizing that culture is an external factor to subjects, mainly predetermining collective memory, as well as collective thinking and imagination (expectations), and the transition from mass to narcissistic culture changes the social roles and transforms the society. Even in elite universities professionalism is squeezed out in order to achieve the needs for convenience and comfort. The loss of the importance of professionalism in the environment causes a response - self-isolation (absenteeism) of specialists. In the field of entrepreneurship, replacing mass culture with a narcissistic one required new artistic models, a change in behavior style, and legitimization of hedonism and egocentrism. Perhaps this is the reason for the decline in the world economic growth rates. Under the prevailing conditions a healthy lifestyle becomes a necessary setting for meeting certain social and political indicators. There has been a dramatic cultural shift in electoral democracy. It is no longer important to ‘enrapture the hearts and souls’, but to be in admiration of yourself and your close environment. Absenteeism is an immanent feature of narcissistic culture, leading the individual to alienation from the political life of the society. Narcissistic culture has always existed, but postmodernism served as a unique medium for its dissemination. Despite numerous criticisms of narcissistic culture, it brings a high diversity to all areas where it penetrates, and this diversity can act as a trigger mechanism to the beginning of a new round for the development of mankind. Narcissistic culture in the 20th century is an external factor changing the flow of all social processes, including economic, political, and social ones. A project ignoring the peculiarities of cultural narcissism discussed above is doomed to failure.

Keywords: absenteeism, mass culture, median voter, narcissistic culture, entrepreneurship, the syndrome of growth and the syndrome of decay according to Erich Fromm, community intellectuals, electoral machines.

Bibliographic description for citation:

Orekhovskiy P., Razumov V. The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.

References

1. Eagleton T. *The Idea of Culture*. Malden, MA, Blackwell, 2000 (Russ. ed.: Iglton T. *Ideya kul'tury*. Moscow, HSE Publ., 2019. 192 p.).
2. Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Crowd: A Study of the Popular Mind]. Moscow, AST Publ., 2017. 384 p. (In Russian).
3. Nichols T. *Smert' ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya* [The Death of Expertise: The Campaign against Established Knowledge and Why It Matters]. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 368 p. (In Russian).
4. Nisbet R. *History of the idea of progress*. New York, Basic books, 1980 (Russ. ed.: Nisbet R. *Progress: istoriya idei*. Moscow, IRISEN Publ., 2011. 557 p.).

5. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow, AST Publ., 2016. 256 p. (In Russian).
6. Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. 320 p. (In Russian).
7. Srnicek N., Williams A. *Inventing the future: postcapitalism and a world without work*. Brooklyn, NY, Verso, 2015 (Russ. ed.: Srnichek N., Uil'yams A. *Izobretaya budushchec: postkapitalizm i mir bez truda*. Moscow, Strelka-Press Publ., 2019. 336 p.).
8. Jones D.S. *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*. Princeton, Princeton University Press, 2012 (Russ. ed.: Stedmen-Dzhounz D. *Rozhdenie neoliberal'noi politiki: ot Khaieka i Fridmena do Reigana i Tetcher*. Moscow, Sotsium Publ., Chelyabinsk, Mysl' Publ., 2017. 522 p.).
9. Fromm E.S. *Dusha cheloveka, ee sposobnost' k dobru i zlu* [The Heart of Man, its genius for good and evil]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 430 p. (In Russian).
10. Foucault M. *Surveiller et punir: naissance de la prison* [Discipline and punish: the birth of the prison]. Paris, Gallimard, 1975 (Russ. ed.: Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my*. Translated from French. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 416 p.).
11. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST Publ., 2004. 588 p. (In Russian).
12. Kharkhordin O. *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiiskoi lichnosti* [Denounce and dissimulate: The genealogy of Russian personality]. St. Petersburg, Evropeiskii universitet Publ., 2016. 508 p.

The article was received on 25.08.2020.

The article was reviewed on 19.09.2020.